

маться. Надо учитывать также, что в сочетаниях составных слов происходят изменения в тональности, большое значение имеют и процессы ассимиляции, изменяющие порою слова почти до неузнаваемости. Словом, следует продолжать работы в этом направлении.

LINGUISTIC DATA IN PREHISTORICAL RECONSTRUCTIONS

V. A. Popov's paper (written, as he himself points out in his subtitle, by way of «introducing the problem») is certainly one open to discussion and the problem itself has been correctly posed. It is indubitably true that organizations of the *Asajo* and *Feku* type and many analogous terms are related to age class systems and age groups. It is also true that all such organizations are not only typical of East African cattle breeders but are widely prevalent among peoples of West Sudan, among agricultural tribes and nationalities over the whole Guinea Bay coastal area including the Akans. However, the whole system of linguistic-based proofs is objected to as lacking scientific precision. Any attempt at elucidating the history and origins of terms and their etymology requires first of all an understanding of the language's phonological structure. But all the examples adduced by V. A. Popov take no account of the complexity of the problem: vowels are not distinguished by quality, the presence of open and closed sounds is ignored, the significance of tonality in Kwa group languages is not noted. Consequently the study remains inconclusive.

К. П. Калиновская

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРАСТНЫХ СИСТЕМ

Вопрос о половозрастных группированиях имеет достаточно давнюю историю. Более полувека прошло со времени выхода работ Шурца, Фробениуса, Кунова, Лоуи, высказавших первые теоретические положения и обобщивших сравнительно небогатый в то время опыт исследования этой проблемы. К настоящему времени наука накопила богатый этнографический материал, отражающий непосредственную связь половозрастных объединений с социальной организацией разных обществ первичной формации. По изобилию данных Африка занимает особое место. И не случайно. Во-первых, на протяжении последних десятилетий учеными обнаружены у многих народов Африки, особенно Восточной, действующие социальные возрастные системы. Во-вторых, Африка дала науке бесценный письменный памятник, зафиксировавший систему возрастных групп галла в конце XVI в.—эфиопскую хронику «История галла». Этот источник особенно ценен для науки, потому что Африка, как известно, в основном континент бесписьменный, все свидетельства по возрастным организациям—это описания европейцев. Хроника галла — памятник, отразивший социальную организацию кочевников-скотоводов, который написан эфиопским автором. Благодаря этому источнику, подтвержденному последующими европейскими описаниями, наука получила возможность подойти к изучению возрастных систем в их историческом развитии и попытаться реконструировать более древние формы такого типа социальной организации.

В процессе освоения проблемы возрастных систем выявились вопросы, изучение которых составило особую область в этнографии. Для материалистически мыслящих исследователей нет сомнения в прямой связи возрастных систем с исторически универсальным явлением половозрастного разделения труда. Еще до сравнительно недавнего времени вопрос об основе таких социальных форм оставался дискуссионным в зарубежной науке. Труды многих советских ученых сыграли немалую роль в его решении. Благодаря работам С. П. Толстова, Г. П. Снесарева, К. В. Тревер, И. Л. Андреева, Н. А. Бутинова и др. было сформулировано положение о том, что базой возрастных систем явилось функциональное разделение труда в процессе общественного

производства между корпоративными социальными коллективами, формировавшимися по принципу учета возраста их членов.

В подходе к соответствующему этнографическому материалу необходимо различать две вещи. Половозрастная стратификация — явление универсальное, и положение К. Маркса о естественном разделении труда «вследствие половых и возрастных различий» приложимо к любому обществу архаической формации¹. Но вот тип социальной организации — систему возрастных групп — явление, хоть и широко распространенное в доклассовую эпоху, вряд ли можно считать всеобщим. Во всяком случае подобный тип доклассовой организации не был свойствен мелким этническим группам хотя бы уже потому, что действие довольно сложного механизма возрастных систем требовало наличия значительного контингента населения, локализованного в определенных территориальных пределах.

Давно встал вопрос о типологии возрастных систем. Типологический критерий — момент вступления в возрастную группу — от рождения или от инициации. Первый тип назван новогвинейским, второй — хамитским. Для Африки более характерны другие названия этих типов — линейный или циклический. Африканский материал позволяет обосновать предположение об исторической преемственности названных двух типов возрастных систем. Линейные оказываются более архаической формой возрастной организации, в то время как циклические соответствуют более поздней, более развитой стадии развития общества².

Самым, пожалуй, спорным в зарубежной этнографической литературе стал вопрос о возрасте как структурном принципе. Довольно долго существовало мнение, что возрастные системы не связаны с этим показателем. Получался парадокс: системы возрастные, а возраст оказывался ни при чем. Однако последнее десятилетие ознаменовалось новыми теоретическими исследованиями, продемонстрировавшими значение этой категории. Более того, теперь мы уже знаем, что в качестве структурного критерия в организации возрастных групп выступал не просто возраст, а возраст социальный, т. е. относительный признак, согласно которому возрастная группа формировалась как производственный коллектив. Несмотря на индивидуальные различия в биологическом возрасте ее членов, в каждую возрастную группу входили люди, обладавшие одним социальным возрастом. И в линейных, и в циклических системах социальный возраст определялся моментом включения индивида и его группы в возрастную систему, чаще всего через инициацию. Этот признак соответствовал социальной зрелости индивида. При этом неважно, с рождения ли вступал индивид в систему или через несколько лет после рождения. Все сверстники по инициации имеют один и тот же социальный возраст³.

Таким образом, термин «возрастная система», смысл которого для европейцев определялся значением «биологический возраст», был уточнен. С определением этой категории как социальной стало многое понятным, и прежде всего почему в одну и ту же группу входят лица разного биологического возраста. Выяснилось, и отчего эта неоднородность в ходе последующего развития обществ возрастала. Парадокс разрешился: системы действительно возрастные, а социальный возраст как историческая категория также менялся вслед за переменами в общественной жизни.

Несомненно, что в основе социальных институтов типа возрастных систем лежит принцип половозрастного разделения труда. Связь этих исторических явлений не опосредованная, а прямая. Изучение по-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 364.

² Калиновская К. П. Циклические и линейные возрастные системы народов Восточной Африки.— В кн.: Африкана XII. М.: Наука, 1980.

³ Калиновская К. П. Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки.— В кн.: Африкана XII.

добных организаций для восстановления истории общества имеет очень большое значение. Возрастные системы — это одна из распространенных социальных форм доклассовой формации, через которые проявляются и реализуются базисные общественные отношения. Еще далеко не ясно, при каких условиях, в какой закономерности возникает этот тип организации обществ. Однако уже на современном уровне знания очевидно, что это типичное явление для обществ архаической формации. В связи с этим следует отметить, что для исследователей внимания к рудиментам возрастных формирований в социальной организации любого доклассового общества обязательно независимо от того, какая бы сторона социальных отношений ни рассматривалась. Любое исследование общественных институтов далекого прошлого есть реконструкция, а она невозможна без всестороннего учета базисных явлений, к которым имеет прямое отношение институт возрастных формирований.

До недавнего времени существовало мнение, что возрастные системы как тип социальной организации «неработоспособны», что они представляют собой тупиковый тип развития. Основанием для такого заключения служили данные уже современные, показывающие настолько неоднородный состав групп, что очевидно, что они в качестве производственных объединений сверстников с определенной общественной функцией выступать не могли⁴. С введением в научный оборот категории «социальный возраст» этому явлению, вероятно, можно найти объяснение.

На ранних стадиях социальной организации типа возрастной системы категория «социальный возраст» в допустимых пределах соответствовала категории «биологический возраст». Социальный возраст наступал ко времени физической зрелости индивидов, из которых формировали группу. Со временем социальную зрелость индивида стали определять другие факторы, и прежде всего зависимость индивида от социального положения его отца, экономическое состояние его семьи. В эпоху перехода традиционных обществ к классовой стадии эти факторы стали ведущими в жизни индивида. Теперь в возрастную систему вступали не автоматически группой сверстников, а индивидуально, по социальному состоянию семьи. Достижение социальной зрелости уже не связывалось напрямую с биологическим возрастом. Это были сверстники не по возрасту, а только по инициации, да и то не всегда, а разрыв между биологическим и социальным возрастaми стал настолько велик у отдельных членов группы, что сверстниками в нашем понимании эти лица уже не были. Стало быть, группа перестала оправдывать себя как производственный коллектив и не могла выполнять традиционных общественных функций. Все это характерно для поздней стадии развития возрастных систем, когда материальная основа такой организации — общее владение средствами производства — исчезла. Исторической необходимости в такой социальной организации уже не было. Возрастные системы еще продолжали сохраняться как традиция, основной сферой которой стала только ритуальная деятельность.

Перенос с целью реконструкции таких исторически поздних данных на древнюю форму возрастных систем, когда их основа была совсем иной, оказался неправомерным и привел ряд ученых к неверным результатам. Такова краткая справка об изучении возрастных систем за несколько десятилетий.

Изучение древних форм организации общества не только необходимо само по себе, но также помогает понять и ряд современных явлений в жизни, например, африканских народов.

В связи с этим следует отметить обсуждаемую статью В. А. Попова. Надо сказать, что по Западной Африке существует еще мало ис-

⁴ Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М.: Наука, 1976.

следований такого рода. Традиция, сложившаяся исторически в этнографии, требует пересмотра. Фундаментальная работа Д. Польм⁵ показала, что в этом обширном регионе многие народы сохранили рудименты древней возрастной организации. А ведь автор основывал свой труд главным образом на данных, лежащих на поверхности. Следовательно, здесь есть что искать исследователю.

В. А. Попову удалось вполне аргументированно показать, что в древнеаканском обществе были свои возрастные категории. Теоретических проблем автор не ставит, однако то, что он взялся за поиски рудиментов половозрастной стратификации в неисследованных материалах, заслуживает внимания. Весьма положительно и то, что в статье привлечены языковые данные. Без них на скудных этнографических материалах получить результаты было бы трудно.

Позволяя себе отметить лишь одно обстоятельство. Автор замечает: «Поскольку среди терминов, которыми обозначают детей и подростков, нет ни одного с корпоративными формантами, то нет никаких оснований для предположения о возрастном классе подростков у аканов. Тем не менее нельзя не допустить, что подростки 10—15 лет могли составлять некое подготовительное группирование, аналогичное галласскому» (с. 95). Представляется, что допустить такое предположение вполне возможно. Однако система галла — это сложный организм, классический образец циклической возрастной системы. Аналогии с нею следует проводить осторожнее. Это система, в которую дети входят с рождения, и первые восемь лет для них протекают уже в пределах действия возрастной системы. А вот другой пример — по кикуйю, кажется, ближе к аканам. У кикуйю все дети до их первой инициации терминологически не различаются ни по полу, ни по социальному возрасту. Такая дифференциация начинается только после главной церемонии обрезания, когда каждый подросток занимает свое место в группе в возрастной системе, т. е. становится социально значимым. У кикуйю нет подготовительных групп, аналогичных галласским. Прекрасный терминологический материал об этом содержится в книге Х. Е. Ламберта⁶.

Думается, что возрастная организация аканов, если таковая действительно существовала, приближается скорее к линейному типу возрастных систем. В целом надо отметить, что работа В. А. Попова представляет большой интерес для всех, кто изучает возрастные организации обществ араханческой формации.

TO THE PROBLEM OF AGE CLASSES

Age classes belong to the most basic social forms of the primeval social formation. Age systems as a specific type of social organization had at their base the functional division of labour in the social production process between corporative social associations grouped according to the age of their members. Individual differences in biological age level were of no importance since the members of each age group were social coevals, i. e. they belonged to the same social age. The latter was determined according to the moment at which the individual and his group was incorporated into the society's age system, most frequently through initiation.

At later stages in the development of age systems the individual's social maturity was determined not according to his physical development but depended upon his father's social standing, his family's economic position, etc. By this period of development common ownership of means of production had already disappeared as a material base of such organizations. At that time it was ritual functions that became the main sphere of activity of age groups.

⁵ Paulme D. *Classes et associations d'âge en Afrique de l'Ouest*. Paris, 1969.

⁶ Lambert H. E. *Kikuyu Social and Political Institutions*. London, 1956.